

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.21672/1818-510X-2020-62-1-181-184

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА: ДРЕВНОСТЬ VS СОВРЕМЕННОСТЬ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ И. В. КОНДАКОВА «РУССКИЙ МАССКУЛЬТ: ОТ БАРОККО К ПОСТМОДЕРНУ»

Хлыщева Елена Владиславовна, доктор философских наук
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: culture_mar@mail.ru

Проанализированы содержание и основные результаты монографии И. В. Кондакова «Русский масскульт: от барокко к постмодерну». Автор исследует истоки массовой культуры, прослеживая ее развитие с древнейших времен до современности. Инновационным является подход к определению истоков массовой культуры, которая, по мнению автора, берет свое начало с глубокой древности. В монографии дан глубокий анализ развития развлекательных форм в русской культуре, связанных с массовыми формами проявления, рассмотрено соотношение классики и массовой культуры, прослежен процесс популяризации науки. Современная массовая культура зависит от многих факторов, в том числе и от формирования национальной культуры, трансформации культурного ландшафта. Кризис классической парадигмы привел к появлению постмодернистских жанров и стилей, заставивших по-иному оценить функциональное содержание массовой культуры.

Ключевые слова: массовая культура, культурный текст, индивидуализация, коллективизм, архитектура

MASS CULTURE: ANTIQUITY VS MODERNITY. REVIEW OF THE MONOGRAPH “RUSSIAN MASSCULT: FROM BAROQUE TO POSTMODERN” BY I. V. KONDAKOV

Khlysheva Elena V., D. Sc. (Philosophy)
Astrakhan State University
20a Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: culture_mar@mail.ru

The article analyzes the content and main results of monograph “Russian Masscult: from Baroque to Postmodern” by I.V. Kondakov. The author investigates the sources of mass culture, tracing its development from ancient times to the present. Innovative is the approach to defining the origins of mass culture, which, according to the author, dates back to ancient times. The monograph gives a deep analysis of the development of entertainment forms in Russian culture, related to mass forms of manifestation, considers the relationship between classical and mass culture, traces the process of popularization of science. Modern mass culture depends on many factors, including the formation of national culture, the transformation of cultural landscape. The crisis of the classical paradigm led to the appearance of postmodern genres and styles, which made us assess the functional content of mass culture in a different way.

Keywords: mass culture, cultural text, individualization, collectivism, architectonics

Монография «Русский масскульт: от барокко к постмодерну», написанная известным ученым, культурологом, исследователем в области истории культуры, искусства и литературы Игорем Вадимовичем Кондаковым, представляет инновационный взгляд на возникновение массовой культуры, ее развитие и многоуровневую функциональность. В монографии дается альтернативный доминирующему в научной литературе [2; 3] подход, определяющий начало функционирования массовой культуры со времени вступления общества в индустриальную стадию развития. По мнению автора монографии массовая культура существовала во всех национальных культурах, начиная от доисторических времен. Однако в каждом конкретном обществе и на каждом историческом этапе массовая культура проявляла себя по-разному,

сообразуясь с историческими условиями развития, сохраняя при этом свои универсальные черты: доступность, доходящую порой до примитивизации, развлекательный характер, установку на психологическую разрядку [1, с. 6].

Автор считает, что массовая культура выделилась из народной, но всегда поддерживала связь и с культурой элитарной. Поэтому тексты массовой культуры представляют определенный синтез идей и сюжетов, взятых из разных субкультур, а потому способных удовлетворить практически любой вкус. Эти тексты со временем могут стать «народными», утратив авторство, или, наоборот, «возвыситься» до популярных [1, с. 11]. Более того, со временем некоторые элитарные тексты переходят в категорию популярных, получая тем самым широкое распространение у разной аудитории. Иными словами, феномен массовой культуры неотделим от других явлений культуры непреодолимыми границами, а взаимодействует с ними, испытывает на себе их воздействие и, в свою очередь, активно влияет на них [1, с. 16].

Каждое культурное явление несет в себе бинарность проявлений. Так происходит и в случае текстов массовой культуры: они одновременно ориентированы и на массового субъекта, и на субъекта индивидуального [1, с. 18]. А потому одно и то же явление может функционировать и в качестве массового, и в качестве индивидуального, а точкой пересечения двух параллельных миров становится человек, который в одних случаях позиционирует себя как представитель высокой культуры, а в других остается «массовым субъектом».

Конечно, тексты массовой культуры призваны «вести читателя по определенной дорожке» [1, с. 20], усредняя и стандартизируя его картину мира, достигая такого результата через эмоциональный «контакт». Но даже в этом случае, тексты интерпретируются по-разному. Так происходит рождение «иных» текстов, соответствующих типу читателя [1, с. 22]. Если текст воспринимается через «смысловое расширение», то он оказывается вписанным в контекст массовых форм, а если через «смысловое углубление», то он рассматривается в контексте индивидуальных ценностей [1, с. 27]. Поэтому от того, какие смыслы составляют поверхностный слой текста, а какие глубинные, зависит концептуальная целостность представленного текста.

Важным, если не важнейшим, фактором массовой культуры является развлечение, которое, прежде всего, подразумевает легкое восприятие артефактов культуры. Здесь не требуется особого напряжения умственных способностей, напротив, предписано облегченное творчество по готовым образцам, обеспечивающее простую коммуникацию адресата и автора. Такой культурный текст отличается одноуровневой структурой и предназначен для «одномерного человека» [4], тяготеющему к «узнаваемости» представленного продукта.

Особое место среди культурных форм развлечения занимает религия и наука. Ироническое отношение к этим сферам свидетельствует о непонимании роли науки в историческом развитии общества и ставит философию религиозных текстов на грань ереси и примитивности. Здесь хорошо просматривается авторское понимание широты массовой культуры, которая выходит за пределы смеховой парадигмы, позиционирующей развлекательное пространство [1, с. 44]. Архитектоника массовой культуры складывается как многослойная структура от смысловых пространств прошлого через смысловые реалии современности к возможностям будущего, постоянно меняя местами «высшее» и «низшее» как по значению, так и по смыслу [1, с. 71].

История массовой культуры рассматривается в монографии на примере русского масскульта, раскрывающегося сакральные истоки, связанные с ранними массовыми ритуалами, с идеократией XV–XVI вв., с секуляризацией культуры в XVII в. Особо выделяется этап так называемого русского Предвозрождения, породившего множество новых бытовых форм и жанров.

Отличительная черта русского менталитета – коллективность, которая проявлялась на всех исторических этапах развития (соборность, общинность, идея коллективного спасения, советский коллективизм, монолитное единство партии и народа). Приверженность традиционному укладу тормозила развитие личностного начала, поэтому предпосылки для формирования массового общества на Руси сложились лишь ко второй половине XVII в., когда появились условия для складывания форм персоналистической культуры [1, с. 77].

Русская культура исторически литературоцентрична. Слову здесь придается сакральный смысл посредника между Богом и человеком, а потому словесная деятельность – это магическое воздействие на окружающий мир. Границы между «высоким» и «низким» в литературоведческой

традиции размывались, стирались и фрагменты низовой, массовой культуры постепенно вбирались в официальные тексты, которые утрачивали статус сакральности и приобретали функции познавательно-информационной развлекательности. По-настоящему плюрализм вкусов и стилей восторжествовал в XVIII в., что вылилось в полифонизм «каждодневного быта» [1, с. 178]. Именно Петровские реформы дали начало своеобразному социокультурному перевороту, расчищающему путь для содержательной новизны. С этого времени уже невозможно представить русскую культуру в виде целостного, исторически непрерывно развивающегося явления, обладающего выраженным национальным своеобразием. Русская культура как бы двоятся – европейское и азиатское, христианское и языческое, рациональное и иррациональное, светское и духовное появилось с древних времен и сохраняется до настоящего времени [1, с. 183]. Постепенно представленная бинарность приобретает характер жесткой антинормичности. Разрешить такое противостояние возможно только через компромисс. Именно поэтому про Россию можно и нужно говорить в пространстве взаимодополняемости, единственно способной обеспечить сосуществование противоречивых мировоззренческих установок культурных форм.

В книге проводится сравнение западного и русского Просвещения. Русское шло «сверху», лишь отчасти совпадая с идеями западного Просвещения, заглушаемых политическими запретами и религиозными суевериями. Русское Просвещение было избирательным по классовому признаку при полном отсутствии демократических подвижек. Это ограничило реализацию просветительской программы и исказило саму идею Просвещения, зато дало толчок развитию русской дворянской культуры, которая обогатилась огромным числом иноязычных заимствований (преимущественно из Западной Европы). Именно в это время образ Европы и европейской культуры стал восприниматься как единая, целостная система, в реальности никогда не существовавшая. По сути, модель европейской культуры была сочинена «русским полупросвещенным дворянством» [1, с. 195], соединяя в себе наивные представления о Европе, порожденные периферийной отсталостью России и стремление русской культуры стать «равновеликой» общеевропейской культуре на основе искусственного синтеза идей. Однако результатом такого стремления становится лишь углубляющийся разрыв между дворянской (элитарной) и крестьянской (народной) культурами.

Это привело к осознанию необходимости понимания народной культуры представителями элитарной культуры, что привело к появлению таких великих классических произведений как «Барышня-крестьянка» (А. С. Пушкин), «Война и мир» (Л. Н. Толстой), «Бедная Лиза» (Н. М. Карамзин) и т. д. Именно интеллектуалы взяли на себя миссию выразить интересы народа, в то время как крепостные так и оставались «молчаливым большинством» [1, с. 201].

Для понимания своеобразия русской культуры важно осознание того факта, что путь русской классики навстречу массовой культуре начинался с опоры на мифологию как свою, так и чужую. Итогом становится диффузия высших и низших уровней смыслов и значений, которые сосуществуют и взаимодействуют между собой. «Высшее» включает в себя «низшее» как основу и подчиняет его себе [1, с. 232]. Именно в искусстве накапливались элементы, способные выступить как концептуальные основания массовой культуры, формировать вкусы массовой аудитории и отвечать массовым потребностям современности. С появлением «критикоцентризма» соперничество с «литературоцентризмом» в конечном итоге приводит к складыванию русской классической культуры. Однако этот же процесс ведет и к формированию русского масскульта как альтернативы русской классике (своеобразная ее облегченная форма) [1, с. 375].

Автор показывает доминирование социальной рефлексии над культурной, что является свойством русской культуры в целом, ее важной типологической особенностью. Так появляются концепты «лишнего человека», «маленького человека», «луча света», «диалектики души» и т. д. Но как только эти концепты становились достоянием массовой культуры (в том числе школьных программ, экранизаций), они превращались из ключей для понимания литературных произведений в знаки, не требующие даже прочтения этих произведений, и, по сути, замещающих сами тексты. Вот такие знаки и становятся со временем образующей поверхностью массовой культуры [1, с. 390]. Это напоминает «скольжение, поверхностное знакомство с классикой и одновременно ее популяризация в общедоступной и упрощенной форме» [1, с. 391].

Сегодня все то, что на рубеже XIX–XX вв. казалось эпатажем, художественным экспериментом, стало обыденным, привычным, заурядным. Теперь «литературные» произведения, строго говоря, таковыми не являются. Современная литература (романы В. Сорокина, В. Ерофеева, Э. Лимонова, В. Пелевина и др.) сильно отличается от литературы в ее традиционном понимании, и потому условно называется «постлитературой».

Такая литература складывается из множества различных интерпретаций и реинтерпретаций реальности, которые представляют собой своеобразную «цепочку смыслов», ведущую в итоге к «рассыпанию» целостного видения культуры в мозаичную картину плюралистического мира [1, с. 507]. Творцы подобных цепочек создают коллажи постлитературного словесного текста, субъективно «искривляя» социокультурное пространство для отражения мозаичности мира и сознания массового читателя.

Подводя итоги, хочется отметить актуальность книги, рассматривающей феномен массовой культуры с разных аспектов. Плюрализм смыслов и сюжетов, воплощенный в постмодернистской ризоме, не вписывается в классические представления, а потому находит свое место в гетеротопии пространства массовой культуры. Многомерное пространство исследовательского процесса, созданное Автором, должно быть «расшифровано» и понято или переинтерпретировано читателем.

Монография И. В. Кондакова «Русский масскульт: от барокко к постмодерну» несомненно будет востребована как в научном сообществе, так и учебном процессе.

Список литературы

1. Кондаков, И. В. *Русский масскульт: от барокко к постмодерну* / И. В. Кондаков. – Москва – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 540 с.
2. Костина, А. В. *Массовая культура: теория и практика* / А. В. Костина. – Москва : Институт молодежи, 1999. – 84 с.
3. Костина, А. В. *Массовая культура как феномен постиндустриального общества* / А. В. Костина. – Москва : Либроком, 2016. – 352 с.
4. Маркузе, Г. *Эрос и цивилизация. Одномерный человек* / Г. Маркузе. – Москва : АСТ, 2003. – С. 251–515.

References

1. Kondakov I. V. *Russkiy masskult: ot barokko k postmodernu* [Russian mass culture: from baroque to postmodern]. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2019, 540 p.
2. Kostina, A. V. *Massovaya kultura: teoriya i praktika* [Mass culture: theory and practice]. Moscow, Institute of Youth Publ., 1999, 84 p.
3. Kostina, A. V. *Massovaya kultura kak fenomen postindustrialnogo obshestva* [Mass culture as a phenomenon of post-industrial society]. Moscow, Librokom Publ., 2016, 352 p.
4. Markuze, G. *Eros icivilizatsiya. Odnomernyy chelovek* [Eros and civilization. One-dimensional person]. Moscow, AST Publ., 2003, pp. 251–515.